

ФИЛОСОФИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ. ТЕОРИЯ ПРАВА. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Андрей Валерьевич Скоробогатов

*Профессор кафедры теории государства и права
и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного
университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП),*

доктор исторических наук, доцент

E-mail: skorobogатов@ieml.ru

Александр Валерьевич Краснов

*Доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского
филиала Российского государственного университета правосудия,*

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: field08@mail.ru

Айдар Аскарлович Юсупов

*Заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса
Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),*

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: u.a.a.78@mail.ru

Правовой прогресс как философско-правовая категория

Аннотация: *актуальность исследования обусловлена тем, что правовой прогресс как категория, отражающая развитие правовой системы, пока не получила должной разработки в научной литературе. Кроме того, отсутствует надлежащее исследование правового прогресса с учетом постклассического методологического инструментария, в том числе в контексте категории правовой реальности. Предмет исследования включает в себя комплексное философско-правовое понимание правового прогресса как категории, отражающей наиболее существенные признаки правового развития как социокультурного и правового явления. В рамках предмета исследования раскрываются вопросы о преобладающих методологических средствах и путях*

познания правового прогресса, в частности, с использованием потенциала категории правовой реальности, которая отражает все формы бытия права и рассматривает последнее как объективно-субъективное явление. Целью статьи является комплексное исследование правового прогресса в онтологическом и аксиологическом аспектах. Для достижения указанной цели были использованы методы исследования: базовые философские (диалектический, синергетический, феноменологический), общенаучные (общелогические, системный, функциональный, исторический), специальные (метод социального конструктивизма, социокультурный анализ), частно-научные (сравнительно-правовой, метод правового моделирования). Новизна работы заключается в понимании правового прогресса в философско-правовом контексте как категории, отражающей противоречивое развитие правовой реальности рамках определенного социокультурного хронотопа с целью совершенствования (трансформации) правовой реальности в направлении, обусловленном социально-культурным и цивилизационным развитием общества как на данном историческом этапе, так и с учетом преемственности сложившегося правового опыта и традиций, гармонизации ее уровней, повышения эффективности функционирования и легитимации правовой системы.

Ключевые слова: правовой прогресс, правовая реальность, правовая система, правовое развитие, постклассическая методология.

Andrey Valerjevich Skorobogatov

Professor of the department of State Theory and Law and Social-Legal Disciplines of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Doctor of Historical Science, Docent

Alexandr Valerjevich Krasnov

Associate Professor of the department of Theory and History of State and Law of Kazan brunch of the Russian State University of Justice, Candidate of Juridical Science, Docent

Aydar Askarovich Jusupov

Chair of the department of Civil and Arbitrary Procedure of Kazan Institute (the brunch) of All-Russian State University of Justice (RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Juridical Science, Docent

Progress of Law as a Philosophical and Legal Category

Annotation: *being the category reflecting the development of legal system, progress of law is characterized by lack of the study in scientific literature, which serves the relevance of the present paper. Besides that the authors note the absence of appropriate learning of legal progress based on post-classic methodological tools, including the legal reality context. The object of the research includes complex philosophic and legal approach to the progress of law as the category reflecting mostly meaningful features of legal development as social cultural and juridical phenomenon. Within the named objective of the research the authors write on issues of predominant methodological means and ways of cognition of legal progress in general, and in particular on those ones which basing on categoric potential of legal reality reflecting all the forms of legal being and determines it as objective and subjective phenomenon. The purpose of the present research is to learn legal progress in ontological and axiological aspects. To achieve the goals the authors use such methods of research as: basic philosophical ones (dialectical, synergistic, phenomenological), general scientific ones (common logical, systematic, functional, historical), special ones (social constructive, social cultural analysis), private scientific ones (comparative legal, legal modeling). The newness of the research lies in determining legal progress as the philosophical-legal category reflecting controversial development of legal reality in the frames of particular social cultural chronotope aimed at perfection (transformation) of the legal reality towards social cultural and civilized development of the society. This determination is true for both, current historical stage and its continuity of legal experience and traditions. The authors underline the necessity to harmonize the levels of legal reality and rise its effectiveness level and legitimation of the legal system.*

Keywords: *progress of law, legal reality, legal system, legal development, post-classic methodology.*

Правовое развитие России последних лет характеризуется не просто дихотомией, а наличием бинарных оппозиций в правовой системе. С одной стороны, с учетом реализации положений Конституции РФ [1] активно идет либеральное строительство правовой системы России как правового государства. С другой стороны, происходит не менее активное освоение правового опыта предшествующих этапов развития, что способствует усилению ориентации на усиление роли государства в правовом регулировании. При этом реализация обеих тенденций объясняется потребностями прогресса, в том числе в правовой сфере. Однако понимание этого явления представителями различных политических и социальных групп характеризуется разнообразием не только содержательно, но и методологически. Это обуславливает необходимость проведения научного исследования сущности и содержания категории «правовой прогресс» на уровне юриспруденции и социальной философии.

Исследование прогресса как социального явления, оказывающего влияние на все стороны жизни человека, общества и государства, имеет длительную историю. К этой проблеме в своих трудах обращались историки, социологи, политологи и философы. Среди них, можно, например, назвать Ж.-Ж. Руссо, Ж. Кондорсе, Г. Гегеля, О. Конта, Э. Дюркгейма, Э. Фромма, сформировавших представление о прогрессе как поступательном движении вперед, направлении развития от низшего к высшему.

Правовой прогресс в качестве самостоятельного элемента социального прогресса также имеет устойчивую исследовательскую традицию. Достаточно вспомнить труды А. П. Семитко, С. И. Захарцева и В. П. Сальникова, адаптировавших философское понимание социального прогресса к осмыслению правового прогресса и заложивших традицию объективистского исследования правового прогресса как целенаправленного процесса перехода от низших форм развития правовой системы общества к более высоким.

Среди работ последних лет, посвященных теоретико-правовому осмыслению категории правового прогресса, особенно выделяются статьи В. Т. Азизовой и А. Ю. Мордовцева, критически подошедших к исследованию этой проблемы и попытавшихся рассмотреть ее вне либеральной парадигмы. Однако и для этих работ также характерно исключительно объективистское видение правового прогресса. Так, А. Ю. Мордовцев рассматривает правовой прогресс «в качестве процесса развития правовых форм, институтов, отношений, в ходе которого субъекты национальной правовой жизни стремятся к достижению стабильности, сбалансированности всех компонентов правовой системы, к ее эффективному

функционированию, достижению первоочередных целей правового регулирования» [2, с. 275].

Кроме того, отметим диссертационное исследование А. Ю. Барсукова, в котором правовой прогресс интерпретируется как целенаправленное целостное восходящее развитие общества, происходящее в определенный отрезок времени, связанное с качественным преобразованием форм человеческой жизни, совершенствованием личности; отмечается его зависимость от общесоциального прогресса, соотношение объективных и субъективных начал в правовом прогрессе [3].

Однако исследование правового прогресса в контексте развития правовой реальности как объективно-субъективного явления, вбирающего в себя все формы бытия права, на разных уровнях, с учетом целенаправленного социального конструирования реальности до настоящего времени не проводилось. Это определило цель данной статьи – комплексное исследование правового прогресса в онтологическом и аксиологическом аспектах.

Теоретическая сложность юридического и философского познания правового прогресса зависит от концепции правопонимания, которой придерживается тот или иной ученый, и проявляется уже при попытке определить функциональную и когнитивную сферу его существования, выявить границы его реализации в социальной реальности. Нам представляется, что при характеристике правового прогресса следует говорить не о пределах правового регулирования, а о пределах правового воздействия. Это позволит рассматривать данную категорию не исключительно в юридическом (догматическом) аспекте, а с учетом социокультурных факторов влияния права на сознание и поведение человека. Отечественная нормативистская традиция, выведившая за пределы объекта научного исследования все те явления, которые не являются средствами правового регулирования и не могут быть напрямую отнесены к формам (источникам) права или к реализации позитивного права, сосредоточивала свое внимание именно на правовом регулировании, которое виделось главным образом инструменталистски, как упорядочение общественных отношений с помощью правовых (позитивных) средств [4]. В ином варианте правовое регулирование представлялось как деятельность, направленная на удовлетворение интересов субъектов правоотношений, но опять же с помощью правовых средств (так называемый информационно-психологический подход) [5]. Однако представляется очевидным, что правовой прогресс не может затрагивать исключительно позитивные правовые средства. Более того, право воздействует разными путями на сознание и поведение людей, что также должно исследоваться в контексте

правового прогресса. Последний должен анализироваться на всех уровнях правовой реальности – не только на уровне правотворчества, но и на уровне реализации права и уровне правового поведения.

Методологически такое исследование может быть основано на посткласической рациональности [6] и идеях интегративного правопонимания [7], ориентирующих ученых на изучение явлений правовой реальности во всей их многогранности, на нескольких уровнях, с учетом как объективных, так и субъективных составляющих в контексте социального конструктивизма, в контексте их значения и осмысления не только на уровне общества и государства, но и отдельного человека.

Рассматривая правовой прогресс с этих позиций, авторы статьи интерпретируют дихотомию понятий «правовое» и «юридическое» в направлении не их бинарной оппозиции, а в диалектической взаимосвязи. Правовое, характеризуя всю правовую реальность как совокупность объективных и субъективных аспектов бытия человека в сфере права, тем самым поглощает юридическое, представляющее собой лишь исключительную сферу государственных интересов, опосредованную главным образом позитивным правом. Это позволяет рассматривать правовой прогресс не только в контексте эффективности правовой политики государства и модернизации (вестернизации) правовой системы за счет прямого трансфера или рецепции образцов зарубежного законодательства, но и в контексте его легитимности, корреляции принимаемых нормативных правовых актов национальной правовой традиции и социальному правовому опыту.

Нам представляется, что исключительно функционально-процессуальный подход к правовому прогрессу позволяет рассмотреть эту категорию главным образом онтологически. Изучение нормативных правовых актов, их сравнение, с одной стороны, с правовой доктриной и правоприменительными актами, а, с другой – с аналогичными (схожими) источниками права других государств позволяет, прежде всего, выявить направление и содержание правовых заимствований, их эффективность. Однако сделать вывод о том, являются ли принятие и реализация этих актов лишь вестернизацией или ее можно рассматривать в качестве правового прогресса, возможно только на основе исследования результатов правореализации, определения эффективности механизма правового воздействия, корреляции усовершенствованной правовой реальности с социальными интересами. Решение этих задач возможно только на уровне аксиологии права и изучения «человекомерности» как самих нормативных правовых актов, так и методов их реализации и полученного результата.

Онтологически правовой прогресс можно охарактеризовать как

целенаправленное, поступательное изменение правовой реальности с целью ее усовершенствования (трансформации) на основе идеальной модели. Однако такая модель не является объективной, изначально заданной. Она конструируется политической элитой, которая должна на основе обобщения зарубежного и национального правового опыта сделать вывод о необходимости, целесообразности и социальной востребованности предполагаемых изменений. Модель правового прогресса, которая избирается референтной группой правящей элиты, как показывает российская правовая жизнь, может в большей мере зависеть от ментальных представлений членов указанной группы, нежели чем от состояния объективной действительности. И если в 1990-е гг. модель правового прогресса формировалась в русле либеральной идеологии, то впоследствии она стала все более тяготеть к этатистским воззрениям, связанным с возрождением идей державности, великой страны и пр. Кроме того, следует учесть, что любое событие как социальный факт существует главным образом в определенных интерпретациях, которые могут носить прямо противоположный характер. В силу сказанного правовой прогресс, как и правовая реальность, должен рассматриваться как смешанная, субъективно-объективная категория.

Потребность в правовом прогрессе возникает, прежде всего, в ситуации, когда правовая реальность полностью или частично приходит в состояние дисбаланса функционально или когнитивно. При полном дисбалансе правовой реальности существующие нормы оказываются уже не способными обеспечить стабильность и неизменность правопорядка в силу произошедших изменений в развитии социальной реальности, при которых происходит делегитимация законодательства и правоприменительной практики. Утрата последними социальной поддержки, с одной стороны, является результатом неспособности адекватно реагировать на социальные изменения, с другой — порождает распространение неофициальных систем права, которые более эффективно решают социальные проблемы. Такая ситуация была характерна для нашей страны в начале 1920-х гг. и на рубеже 1980—1990-х гг. В обоих случаях преодоление полного дисбаланса правовой реальности осуществлялось на основе правового прогресса, хотя и с разной степенью эффективности.

Аксиологически правовой прогресс представляет собой ценностный ориентир процесса и результата трансформации для адекватного отражения социальных интересов. Именно учет аксиологической составляющей позволяет законодателю оценить не только эффективность, но и легитимность правовой политики [8, р. 136] и создать условия для преодоления правового нигилизма и правового инфантилизма.

Однако правовой прогресс не ограничивается исключительно государственной деятельностью. Во-первых, в этом процессе могут участвовать и иные субъекты, вовлеченные в правообразовательную деятельность, причем их участие способно существенно повысить эффективность правового прогресса, минимизировав государственное принуждение. Во-вторых, оценка позитивных результатов правового прогресса, способствующих совершенствованию правовой реальности, ее гармонизации, должна осуществляться всеми субъектами, независимо от их статуса.

Правовой прогресс может рассматриваться двояко. С одной стороны, это явление, которое характеризуется императивностью. Законодатель, сконструировав идеальную модель развития и функционирования правовой реальности, реализует ее в жизнь, используя все возможные средства воздействия на общественные отношения и поведение человека. С другой стороны, правовой прогресс характеризуется самоопределением и саморазвитием. Лишь те изменения правовой реальности, которые воспринимаются (а следовательно, легитимируются) обществом, могут быть оценены как прогрессивные. С синергетических позиций это значит, что правовой прогресс является нелинейным процессом и предусматривает альтернативные пути развития для каждой правовой системы. Это объясняет правовую плюралистичность современного мира.

Правовой прогресс не предполагает обязательную трансформацию всей правовой реальности. Он может осуществляться частично. В этом случае изменению подлежат лишь отдельные нормы, институты, отрасли, другие элементы правовой системы. Считать такие изменения правовым прогрессом можно только в том случае, если они не просто являются новеллами и эффективно реализованы в жизнь, но и способствуют совершенствованию правовой реальности, усилению взаимосвязи между ее уровнями, отражая социальные интересы и являясь легитимными.

Правовой прогресс в этом случае не является полным разрывом с правовой традицией и предыдущим состоянием правовой системы. Он способствует их совершенствованию и переходу на качественно новый уровень, позволяющий правовой реальности развиваться и функционировать более эффективно. Однако в этом случае существует угроза, что правовой прогресс приобретет перманентный характер. Стремление законодателя к частичным изменениям, не затрагивающим основ существующей правовой реальности, с перспективой перехода количественных изменений в качественные, может привести к тому, что правовые трансформации превращаются из средства в цель правовой политики, если не функционально, то когнитивно.

В этом плане, а также с учетом высказанной выше идеи о смешанном, субъективно-объективном характере правового прогресса можно говорить о внутренней противоречивости многих процессов, которые можно рассматривать в контексте прогрессивного правового развития. Правовые и государственные реформы, которые проводились в нашей стране в последние три десятилетия, нередко носили спонтанный и непродуманный характер и далеко не всегда отличались системностью. В частности, реформа гражданского законодательства (как материального, так и процессуального), на наш взгляд, отличалась наибольшей эффективностью. Несмотря на то что в рамках этой реформы широко использовался прямой трансфер норм зарубежного, прежде всего германского, законодательства, тем не менее, повышение эффективности правового регулирования достигалось и на уровне правотворчества, и на уровне правореализации, которые, в свою очередь, положительно повлияли и на уровень правового поведения субъектов: многие отношения были выведены из теневой сферы, легализовались, все больше доверия стали вызывать судебные формы разрешения возникающих юридических конфликтов. Определенные новшества де-факто вводились за счет активной деятельности Пленума Верховного Суда РФ и бывшего Высшего Арбитражного Суда РФ, а впоследствии они находили отражение и при разработке соответствующих законопроектов.

Иная картина наблюдалась, к примеру, в области уголовно-правового регулирования. С одной стороны, уголовное законодательство в 90-е г. XX в. восприняло идеи гуманизма, связанные со вступлением России в Совет Европы и, как следствие, необходимостью отказа от такого вида уголовного наказания, как смертная казнь. С другой стороны, как известно, за более чем двадцать лет действия Уголовного кодекса РФ [9] уголовно-правовая политика не отличалась единством. Происходили существенные изменения в подходах к регулированию ряда составов правонарушений – криминализация и декриминализация порой сменяли друг друга, вводились все новые виды наказаний в рамках воздействия на свободу человека (например, ограничение свободы), тогда как некоторые виды наказаний (как, скажем, арест) до сих пор не обеспечены соответствующей реализацией. Гуманизация уголовных наказаний в отношении преступлений в экономической сфере, объявленная в качестве приоритета еще в бытность Президентом РФ Д. А. Медведева, была отчасти проведена на законодательном уровне, однако, как показывает практика, не всегда находит поддержку на уровне правореализации, когда предприниматели, совершившие экономические преступления, получают реальные сроки лишения свободы. Реформа наказаний в области коррупционных

преступлений была проведена таким образом, что новые виды наказания – кратные штрафы – оказались неэффективными в силу невозможности взыскать соответствующие суммы с осужденных, что нередко влекло за собой изменение приговоров в пользу реальных сроков заключения. В настоящий момент действующий Уголовный кодекс РФ представляет собой достаточно эклектичный и устаревший документ, в котором не прослеживается единая уголовно-правовая политика. В меньшей степени, но схожие тезисы можно, в принципе, адресовать и Кодексу РФ об административных правонарушениях [10].

Особого внимания заслуживает, безусловно, реформирование конституционного права, поскольку оно выступает как интегрирующая отрасль права, представляющая собой центральное ядро системы права. Разработка и принятие Конституции РФ в 1993 г. были обусловлены сложившейся политической ситуацией, в рамках которой происходила борьба сторонников президентской и парламентской форм республиканского правления, завершившаяся вооруженным конфликтом и последующей победой пропрезидентских сил, что привело к формированию конституционной модели суперпрезидентской республики как под сложившуюся ситуацию, так и под конкретного политического лидера. Изменения, которые вносились в Конституцию РФ до начала 2020 г., не носили существенного характера. И только в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 15.01.2020 г. [11] прозвучали предложения, ознаменовавшие как начало конституционной реформы, нацеленной на усиление полномочий Государственной Думы Федерального Собрания РФ в плане формирования Правительства РФ, формирования нового влиятельного конституционного органа (Государственного Совета), усиления контроля парламента над судебной властью и одновременно усиления полномочий Конституционного Суда РФ. На данный момент указанные предложения можно рассматривать в контексте правового прогресса, если они в дальнейшем способны привести к перераспределению властных полномочий, усилению разделения властей и определенной демократизации государственного механизма: как мы отметили выше, внесение изменений в нормы права – один из уровней правовой реальности, который может эффективно функционировать лишь в сочетании с другими – правореализацией и правовым поведением.

Таким образом, в правовой реальности России достаточно непросто говорить о некоем основном векторе правового прогресса. Представляется, он может носить нелинейный и порой разнонаправленный характер, что связано с особенностями правового воздействия в разных сферах общественных отношений и отсутствием некоего единого, системного

видения дальнейшего стратегического развития позитивного права. Правовой прогресс в таком плане видится весьма противоречивым явлением, которое не может оцениваться исключительно в категориях «положительно – отрицательно». Оценка тех или иных событий в правовой реальности в контексте их прогрессивности так же субъективно-объективна и зависит от исторического, ситуационного контекста.

В силу сказанного можно говорить о том, что правовой прогресс и правовой регресс выступают как своего рода взаимодополняющие (парные) категории [12]. Прогресс с точки зрения определенной референтной группы может рассматриваться как регресс с точки зрения другой и наоборот. Кроме того, диалектический анализ событий с позиций закона отрицания отрицания говорит о разных стадиях правового прогресса, которые не могут оцениваться исключительно на обособленном историческом отрезке времени, без учета всей общей динамики процесса развития.

Правовой прогресс может быть рассмотрен в нескольких плоскостях – во-первых, в плане совершенствования на разных уровнях правовой реальности, начиная с правотворчества и заканчивая реализацией права и правовым поведением субъектов – участников правоотношений; во-вторых, в контексте рецепции и трансфера зарубежного законодательства (в российской правовой реальности – вестернизации); в-третьих, в смысле легитимации складывающегося и развивающегося правового порядка, а именно поддержки его большинством субъектов на уровне правового поведения, что свидетельствует о принятии обществом соответствующих изменений в законодательстве и правовой практике как соответствующих массовому социальному правовому опыту.

В то же время в качестве коренного может быть рассмотрено соответствие правового прогресса основным целям правовой политики, обозначенным со стороны правящей элиты, и легитимации такого рода целей и их воплощения в правовой реальности. Будучи социально-культурно и аксиологически обусловленными, цели правовой политики не всегда напрямую постулируются в официальной доктрине, но могут вытекать из смысла ряда программных документов [13], таких как устав правящей в стране партии, послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, выступления политических лидеров страны на соответствующих международных и иных форумах и пр. В частности, указание на первостепенную реализацию социальной функции Российского государства как государства социального в соответствии с Конституцией РФ и предложение о внесении соответствующих изменений в текст последней, прозвучавшее в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 15.01.2020, могут быть рассмотрены именно в этом контексте.

Правовой прогресс не обязательно является необратимым. Правовая реальность в своем темпоральном развитии способна проходить через точки бифуркации, которые не только предполагают разрыв с национальной правовой традицией, но и определяют вектор последующей правовой политики. При этом точка бифуркации, будучи объективно-субъективным явлением, способна привести к трансформации правовой реальности как когнитивно, так и функционально. Так, первая половина 1990-х гг. в России привела к позиционированию отказа от советского правового опыта и вестернизации в виде освоения либерального правового наследия. Это сопровождалось не просто трансформацией системы права, но и конструированием новой правовой реальности. Однако когнитивно эта реальность противоречила национальной правовой традиции, что способствовало широкому распространению неофициальных правовых систем.

Правовой прогресс характеризуется рядом признаков:

– *темпоральность* – встроенность в определенный социокультурный хронотоп. Правовой прогресс может рассматриваться и стадийно, и в контексте общего вектора развития правовой системы общества;

– *целенаправленность* – заданность определенных целей правового развития, которые, как было отмечено, определяются правящей политической элитой данной страны, носят социокультурно обусловленный характер, однако формируются в смешанном, субъективно-объективном порядке, под весьма серьезным воздействием доминирующих представлений о желаемой идеальной цели правового развития;

– *поступательность* – способность к поэтапному правовому развитию, постепенному движению к идеально намеченным целям, что не исключает нелинейность, возможность обратимости процессов и диалектического взаимодействия прогресса и регресса;

– *прогнозируемость* процесса и результата – возможность предсказания форм и содержания правового развития в прогрессивном направлении, а также просчета возможных результатов такого развития, выраженных как материально, так и идеально. Сложность в прогнозировании результатов связана с многофакторностью правового прогресса, необходимостью учета многочисленных обстоятельств, способных оказать влияние на состояние правовой реальности;

– *конструируемость* – процессы и результаты правового развития в большинстве случаев конструируются референтными группами, хотя и с учетом объективных обстоятельств, но в определенной интерпретации, которая всегда включает большой элемент субъективности;

– *ценностноориентированность* – обусловленность прогрессивного развития и его конструирования социальными и правовыми ценностями, преобладающими в обществе на определенном историческом отрезке,

но с учетом общей направленности развития данной цивилизации. Несоответствие правового прогресса указанным ценностям приводит к его делегитимизации и в конечном счете к правовому регрессу и нарушению стабильного состояния правовой системы общества.

Таким образом, правовой прогресс является философско-правовой категорией, которая отражает объективно-субъективный характер развития и функционирования правовой реальности в рамках определенного социокультурного хронотопа. Целью правового прогресса является совершенствование (трансформация) правовой реальности в направлении, обусловленном социально-культурным и цивилизационным развитием общества как на данном историческом этапе, так и с учетом преемственности сложившегося правового опыта и традиций, гармонизации ее уровней, повышения эффективности функционирования и легитимации правовой системы. В зависимости от социальных потребностей и характера механизма правового воздействия правовой прогресс может быть полным или частичным. Правовой прогресс является нелинейным и противоречивым, в силу этого не имеет необратимого характера и может сочетаться с регрессом на определенных стадиях развития правовой реальности.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Собр. законодательства РФ. 2009. № 1, ст. 1; ст. 2; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2014).

2. Мордовцев А. Ю., Поздняков И. П. Правовой прогресс в теоретическом и правокультурном измерении // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 3. С. 275–281.

3. Барсуков А. Ю. Правовой прогресс как юридическая категория : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.

4. Правовое регулирование и правореализация / Л. Т. Бакулина, И. Г. Горбачев, Д. Н. Горшунов ; науч. ред. Ю. С. Решетов. Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008.

5. Малько А. В., Шундииков К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов : Изд-во СГАП, 2003.

6. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб. : Алет-Пресс, 2012.

7. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М. : РГУП, 2018.

8. Habermas Ju. Postscript to Between Facts and Norms // Habermas, Modernity and Law / Deleuze M. (ed.). London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1996. P. 135–150.

9. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 20.01.2020).

12. Рудаков А. А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей. М. : Проспект, 2015.

13. Малько А. В., Гайворонская Я. В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 4–25.

References

1. Konstituciya RF : prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s izm. ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Rossijskaya gazeta. 1993. 25 dek.; Sobr. zakonodatel'stva RF. 2009. № 1, st. 1; st. 2; Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12/12/1993 (as amended on December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated 11/21/2014 No. 11-FKZ) // Russian newspaper. 1993.25 Dec; Collection of legislation of the Russian Federation. 2009. No 1, Article 1; Art. 2; Official Internet portal of legal information] URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014.

2. Mordovcev A. YU., Pozdnyakov I. P. Pravovoj progress v teoreticheskom i pravokul'turnom izmerenii // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. [Legal progress in the theoretical and right-cultural dimension // Business. Education. Right. Herald of the Volgograd Institute of Business.] 2018. № 3. P. 275–281.

3. Barsukov A. YU. Pravovoj progress kak yuridicheskaya kategoriya : dis. ... kand. jurid. nauk [Legal progress as a legal category: Abstract of Juridical candidate diss.] Saratov, 2004.

4. Pravovoe regulirovanie i pravorealizaciya [Legal regulation and legal implementation] / L. T. Bakulina, I. G. Gorbachev, D. N. Gorshunov; scientific editor is YU.S. Reshetov. Kazan' : Izd-vo Kazan. gos. un-ta, 2008.

5. Mal'ko A. V., SHundikov K. V. Celi i sredstva v prave i pravovoj politike. [Aims and means in law and legal policy] Saratov : Izd-vo SGAP, 2003.

6. CHestnov I. L. Postklassicheskaya teoriya prava. [Post-classic theory of law] SPb. : Alef-Press, 2012.

7. Ershov V. V. Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij. [Legal and individual regulation of public relations] M. : RGUP, 2018.

8. Habermas Ju. Postscript to Between Facts and Norms // Habermas, Modernity and Law / Deflem M. (ed.). London, Thousand Oaks, New Delhi : Sage Publications, 1996. P. 135–150.

9. Ugolovnyj kodeks RF ot 13.06.1996. № 63-FZ (v red. ot 27.12.2019) // Sobr. zakonodatel'stva RF. 1996. № 25, st. 2954. [The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996. No. 63-FZ (as amended on 12/27/2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.]

10. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (v red. ot 27.12.2019) // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2002. № 1, ch. 1, st. 1. [Code of the Russian Federation on administrative offenses of 12/30/2001. No. 195-FZ (as amended on 12/27/2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1, ch. 1, article 1.]

11. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu [Message from the President to the Federal Assembly] [On-line resource]. Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (accessed: 20.01.2020).

12. Rudakov A. A. Parnye yuridicheskie kategorii: teoriya prav i obyazannostej. [Paired legal categories: theory of rights and obligations] M. : Prospekt, 2015.

13. Mal'ko A. V., Gajvoronskaya YA. V. Doktrinal'nye akty kak osnovnoj instrument pravovoj politiki // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. [Doctrinal acts as the main tool of legal policy // Law. The journal of the Higher School of Economics] 2018. № 1. P. 4–25.